

2. Философия истории и философия политики

И. Н. Сиземская

Исторический монизм Плеханова*

В русской философско-исторической мысли второй половины XIX в. значительное влияние приобретает направление, связанное с материалистическим истолкованием истории, разрабатываемое Георгием Валентиновичем Плехановым (1856—1918). Его истоки уходят в материалистическую традицию отечественной философии, наиболее последовательно представленную антропологическим материализмом Н. Г. Чернышевского, идеи которого в 70—80-х гг. были широко известны в среде разночинной интеллигенции, и интерпретацией истории в духе экономического материализма М. А. Бакунина. Плеханов высоко ценил материализм Чернышевского, которому посвятил серьезное исследование («Н. Г. Чернышевский»), а в отношении Бакунина говорил, что его (Плеханова) «великое уважение к материалистическому объяснению истории» сформировалось под сильным влиянием бакунинской философии. В эти годы значительное воздействие на общественную мысль имел и «философский реализм» П. Н. Ткачева, стержнем которого,

* Впервые: Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Русская философия истории. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 233—241. Публикуется в сокращении.

как он сам объяснял, была материалистическая методология, опирающаяся применительно к обществу на «закон самосохранения». Известное влияние на Плеханова оказала традиция русской «географической социологии» (В. О. Ключевский, Л. И. Мечников), в определенном смысле предопределившая специфику его историсофской модели, книга М. М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», сильно поколебавшая его народнические воззрения. Иными словами, историко-материалистические идеи Плеханова складывались под значительным влиянием отечественной философской мысли.

Однако формирующим фактором его философии истории был марксизм. Плеханов был глубоко убежден, что исторический материализм Маркса, имеющий своим эмпирическим материалом всю историю человечества (всемирную историю), — и есть философия истории. «От Маркса мы впервые получили материалистическую философию истории человечества», — утверждал Плеханов*. Ее научная значимость связана с тем, что она указывает не на причины отдельных явлений, характеризующих исторический процесс, а на то, как надо подходить к обнаружению и объяснению этих причин, т. е. как возможно историческое знание, что лежит в основе философского понимания исторического процесса. В этом, по мнению Плеханова, состоит методологическое значение материалистического объяснения истории. Убедительнее всего об этом свидетельствует, считал Плеханов, «Капитал», в котором представлена вся материалистическая философия истории Маркса. Как справедливо отмечает В. Ф. Пустарнаков, «к каким бы работам Плеханова мы ни обращались, повсюду прослеживается одна и та же логика мысли. Плеханов вполне сознательно истолковывал исторический материализм как “философию истории”»**. Отстаивая этот тезис, он впервые «изложил материалистическое понимание истории на языке марксовых категорий»***. Таким образом, можно сказать, что Плеханов выступил, с одной стороны, наиболее ярким и последовательным

* Плеханов Г. В. Философские и социальные воззрения К. Маркса // Плеханов Г. В. Избр. филос. произв.: в 5 т. Т. 2. М., 1956. С. 452.

** Пустарнаков В. Ф. «Капитал» К. Маркса и философская мысль в России (конец XIX — начало XX в.) М., 1974. С. 202.

*** Там же. С. 180.

продолжателем отечественной материалистической традиции, а с другой стороны, одним из первых, связавших эту традицию через марксизм с философией истории. Следует отметить, что знакомство российской интеллигенции с произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса состоялось намного раньше: в середине 40-х гг. в России была известна работа Маркса «К критике гегелевской философии права», в 1861 г. «Современник» опубликовал изложение Н. В. Шелгуновым работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», в 1865 г. в пересказе П. Н. Ткачева публикуется известное «Введение из “К критике политической экономии”» Маркса, в 1869 г. был издан на русском языке «Манифест Коммунистической партии», а в 1872 г. увидел свет I том «Капитала» в переводе Г. А. Лопатина и Н. Ф. Даниельсона; благодаря активной пропаганде марксистских экономических идей профессором киевского университета Н. И. Зибером была известна работа Энгельса «Анти-Дюринг». Начиная с 40-х гг. вели переписку с Марксом и Энгельсом П. В. Анненков, П. Л. Лавров, Н. Ф. Даниельсон, Г. А. Лопатин, позже — П. Н. Ткачев, В. И. Засулич, В. В. Берви-Флеровский. Сохранилось 147 писем Маркса и Энгельса русским корреспондентам и 312 писем русских деятелей Марксу и Энгельсу*. В 1869 г. вышел капитальный труд В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России»; желая познакомиться с этой книгой, Маркс стал изучать русский язык и, прочитав ее, поставил исследование Флеровского в один ряд с работой Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

В 70—80-е гг. русская интеллигенция читала, хотя и не всегда глубоко, Маркса, его идеи были весьма популярны, а отдельные работы передавались для чтения «из рук в руки». Это во многом объяснялось спецификой общественно-политической ситуации: к началу 80-х гг. революционное народничество и в теории, и в практике зашло в тупик. Выход из этого тупика некоторые пытались найти в марксизме. Марксизм был воспринят как «неозападничество», «свежий ветер с Запада» (Франк), как последнее слово европейской философии и науки. В нем увидели доктрину, которая может дать отсталой и усталой России ответ на вопрос, как вырваться вперед и приобщиться к достижениям мировой цивилизации. Вот почему в 90-е гг. в марксизме получили «крещение», по словам Г. П. Федотова,

* Аникин А. В. Путь исканий. М., 1990. С. 380.

все направления русской общественной мысли*. Но систематическое изложение идей марксизма, включение их в контекст отечественной философской мысли связано с Г. В. Плехановым, и в этом смысле Плеханов был первым русским марксистом.

«Материализм, своей философской грубостью и наивностью отталкивавший ранее многих интеллигентов, превратился в руках Плеханова в заманчивое мировоззрение, поскольку внесение в него диалектического метода создавало впечатление, что такой материализм — всеобъясняющая теория. Упрощенчество старого материализма типа Фогта и Молешотта казалось преодоленным. Плеханов сам превосходно владел диалектикой, и против его аргументов трудно было бороться. Главное же — в марксизме казалась преодоленной та пропасть, тот дуализм между общефилософским мировоззрением и областью социального развития, который составлял слабую сторону народников», — так охарактеризовал значение Плеханова исследователь русской философии С. А. Левицкий**.

На трудах Плеханова воспиталось целое поколение русских марксистов — ортодоксальных, следовавших «в одной связке» с Плехановым, «либеральных марксистов», со временем отошедших от него в сторону социал-демократизма, и тех, кто, акцентируя его радикализм, придали ему форму большевизма.

Плеханов не раз отмечал, что основной вопрос философии истории — это вопрос о причинах исторического движения, которые лежат в сфере практической деятельности людей. Поэтому ее исходным моментом является проблема взаимоотношений человека с окружающим его миром, иными словами, общественный способ производства. Главным структурным элементом последнего на всех этапах человеческой истории выступают производительные силы, первоначальный толчок развитию которых дает сама природа, и прежде всего свойства географической среды.

«Отношение человека к географической среде не неизменно: чем больше растут его производительные силы, тем быстрее изменяется отношение общественного человека к природе, тем быстрее подчиняет он ее своей власти. С другой стороны,

* См.: Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 436.

** Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии. Т. 2. М., 1996. С. 242.

чем больше развиваются производительные силы, тем скорее и легче совершается их дальнейшее движение... этой-то внутренней логике развития производительных сил и подчиняется в последнем счете все общественное развитие»^{*}.

В системе плехановских воззрений категория «производительные силы» является основной, объясняющей как причины истории в целом, так и развитие отдельных обществ, поскольку «данном состоянием производительных сил обуславливаются внутренние отношения данного общества» и одновременно «внешние его отношения к другим обществам»^{**}. Состояние производительных сил как мера власти человека над природой определяет «свойства социальной среды» — ее экономику (экономические отношения) и психологию (общественное сознание), уровень «зрелости» или «незрелости» которых зависит от уровня развития орудий и средств труда. В этом, по мнению Плеханова, состоит универсальный историософский закон, из которого выводятся все другие законы общественного развития и истории. Признание этого закона — закона развития производительных сил — лежит в основе материалистической парадигмы философии истории.

Отметим, что, во-первых, Плеханов делает исходной категорией философии истории не экономику, а именно производительные силы, хотя к этому времени в отечественной философской мысли сложилась традиция (Бакунин, Ткачев), приписывавшая историческому материализму в качестве исходной категории именно экономику как первичную причину общественного развития. Во-вторых, Плеханов не впадает в грубый экономизм, заявляя о зависимости психологии от состояния орудий и средств труда. В области психологии, по его мнению, явления общественного сознания, вплоть до политических идей, могут быть объяснены посредством влияния экономического развития только «косвенным образом», ибо эта зависимость выражает общий принцип целесообразности, господствующий в природе и обществе. Психология всегда целесообразна по отношению к экономике, и эта целесообразность торжествует по той простой причине, что нецелесообразное

* Плеханов Г. В. Нечто об истории // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения.: в 5 т. Т. 2. С. 228.

** См.: Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Там же. Т. 1. С. 639.

«самим характером своим» осуждено на гибель^{*}. Признание целесообразности, т. е. приспособляемости психологии к уровню развития производительных сил, есть, по сути, признание ее самостоятельного значения. («Незначимое» не может быть целесообразным.) Развивая этот тезис в полемике с Н. И. Кареевым, у которого «тут экономика, там — психология», Плеханов утверждал, что его точка зрения устраняет этот дуализм, ибо у него «экономия общества и его психология представляют две стороны — одного и того же явления “производства жизни” людей, их борьбы за существование, в которой они группируются известным образом, благодаря данному состоянию производительных сил»^{**}. Экономика, равно как и психология, есть явление производное: «далекая от того, чтобы быть первичной причиной, она сама есть следствие, “функция” производительных сил»^{***}. Разрабатывая эту идею, Плеханов выступил с резкой критикой «теории факторов», упрекая ее последователей в отсутствии монистического взгляда на историю.

«Но как бы ни была законна и полезна в свое время теория факторов, — писал Плеханов, — она не выдерживает теперь критики. Она расчленяет деятельность общественного человека, превращая различные ее стороны и проявления в особенные силы, будто бы определяющие собой историческое движение общества. В истории развития общественной науки эта теория играла такую же роль, как теория отдельных физических сил в естествознании. Успехи естествознания привели к учению об единстве этих сил, к современному учению об энергии. Точно так же и успехи общественной науки должны были повести к замене теории факторов, этого плода общественного анализа, синтетическим взглядом на общественную жизнь»^{****}.

Теория факторов, считал Плеханов, эклектична в своей сути. Проявление эклектизма он видел в непозволительном «уравнивании» причин исторического процесса, скрывающимся за ее исходной идеей — идеей всеобщего взаимодействия общественных сил как конечной причины исторического прогресса. Сама идея взаимодействия, разумеется, не вызывала возражения. Но взятое само по себе, это понятие, убеждал Плеханов,

* См.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения.: в 5 т. Т. 1. С. 644.

** Там же. С. 645.

*** Там же.

**** Плеханов Г. В. О материалистическом понимании истории // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения.: в 5 т. Т. 2. С. 242.

ничего не объясняет, потому что «всякое взаимодействие между данными силами уже предполагает существование этих сил, и сказать, что они действуют одна на другую, вовсе не значит объяснить их происхождение»*. Попытка открыть их внутреннюю связь лишь превращает отдельные явления общественной жизни в какие-то особые, малообъяснимые силы. Общая же теория развития должна носить «синтетический характер», исходить из единого принципа, который выражает причинную связь явлений. «Теория факторов», отрицая такой принцип, не в состоянии раскрыть генезиса последних. Поэтому взаимодействие в ее контексте, по сути, лишено необходимого для научного понятия эвристического потенциала. «Исторические факторы» оказываются простыми абстракциями, а человеческое общество представляется некой «тяжелой кладью», которую различные «силы» — мораль, право, экономика и т. п. — «тащат», каждая со своей стороны, по историческому пути. Понятно, что причина, направляющая их движение, остается нераскрытой.

Этой причиной, убеждает Плеханов, являются производительные силы. Именно они через действие всеобщего закона «увязывают» все стороны общественной жизни и человеческой истории воедино. Обращение к производительным силам утверждает монистический взгляд на историю, в соответствии с которым «люди делают не несколько, отдельных одна от другой историй, — историю права, историю морали, философии и т. д., — а одну только историю своих собственных общественных отношений, обусловливаемых состоянием производительных сил в каждое данное время»**.

Разработка монистического взгляда на историю с акцентом на производительных силах как первопричине исторического процесса и важнейшем структурообразующем элементе экономической основы общества означала включение принципов материализма в философию истории. Важно отметить, что Плеханов «отгораживал» свой материализм от «экономического материализма», за которым, по его мнению, скрывалась вулгаризация экономического учения Маркса в духе — «раз дана

* Плеханов Г. В. Несколько слов в защиту экономического материализма // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения.: в 5 т. Т. 2. С. 204.

** См.: Плеханов Г. В. О материалистическом понимании истории. Т. 2. С. 266.

экономическая структура общества, можно вывести из нее все остальные общественные явления». Разъясняя свою позицию, Плеханов подчеркивал, что материалистическое понимание истории не ограничивает объект анализа «экономической анатомией общества», поскольку «движение человечества <...> никогда не совершается в плоскости одной экономики»^{*}.

Материалистическая философия истории имеет дело со всей совокупностью общественных явлений, прямо или косвенно обусловленных общественной экономикой, вплоть до работы воображения. Кроме того, она предполагает «умение перехода» от экономики к сфере духовной жизни общества. «Нельзя повсюду лезть с “экономикой” при объяснении общественных явлений», — не раз и не без раздражения предупреждал Плеханов^{**}.

Наверное, не в последнюю очередь именно этим неприятием вульгарного экономизма объясняется нередкое обращение Плеханова в 90-е гг. к учению Дарвина и естественно-научным аналогиям, в том числе к вопросу о соотношении биологии и социологии. Плеханов не разделял стеной мир природы и мир социума. Акцент на производительных силах в объяснении истории предполагал особый интерес к природным факторам (географической среде, народонаселению, дань внимания к которым, надо заметить, Плеханов отдал сполна) и к естественно-научным закономерностям, лежащим в сфере взаимоотношения человека с природой. Примечательно в этой связи следующее рассуждение Плеханова из его рецензии на книгу Риккерта «Науки о природе и науки о культуре».

«У Риккерта обобщающему естествознанию противопоставляется история, изображающая данные процессы развития в их индивидуальном виде. Но кроме истории (в широком смысле) есть еще социология, которая занимается “общим” в такой же мере, как и естествознание. История становится наукой лишь постольку, поскольку ей удастся объяснить изображаемые ею процессы с точки зрения социологии. Поэтому она относится к социологии совершенно так же, как геология относится к “обобщающему” естествознанию»^{***}.

* Плеханов Г. В. В защиту экономического материализма // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 2. С. 216.

** Плеханов Г. В. Об «экономическом факторе» // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 2. С. 288.

*** Плеханов Г. В. О книге Риккерта // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 2. С. 515.

Плеханов не принял риккертское противопоставление наук о культуре наукам о природе — оно для него было лишено серьезного основания. Область Дарвина, конечно, отлична от области истории, но между ними есть общее: Дарвин объясняет происхождение видов влиянием внешней природы, а Маркс объясняет историческое развитие человечества свойствами общественных отношений, которые возникают при взаимодействии общественного человека с последней*. Дарвину удалось решить вопрос о том, как появляются и утверждаются в борьбе за существование растительные и животные виды, Маркс показал, как возникают различные виды общественной организации в процессе взаимодействия людей с природным миром, обеспечивающем их средствами общественного существования. Поэтому эволюционная теория Дарвина, дающая картину диалектического развития природы, может быть ключом к объяснению диалектики общественной жизни. Иногда в обосновании правомерности такого взгляда на историю Плеханов допускал формулировки типа «марксизм есть дарвинизм в его применении к общественному», за которые его упрекали в уступках социал-дарвинизму. Но если упреки и имели под собой основание, причина этого лежала не в увлечениях теорией Дарвина, а в стремлении «увязать» законы природы и законы истории в рамках монистического, т. е. философско-материалистического понимания.

Исторический монизм Плеханова и его последователей (В. И. Засулич, Л. И. Аксельрод-Ортодокс, А. М. Деборин — так называемая школа Плеханова) не был однозначно воспринят ни теми, кто считал себя марксистами, ни теми, кто принял марксизм «с оговорками», дополняя его социал-демократическими идеями. Одни, признавая его заслуги в систематическом изложении марксистских воззрений, нередко обвиняли в вольной интерпретации философских основ марксистского учения, другие, наоборот, критиковали его за излишнюю ортодоксальность. Ниже мы остановимся на полемике Плеханова с «легальными марксистами», которая развернулась во второй половине 90-х гг. по экономическим вопросам марксистского учения и проблеме отношения России к Европе в связи с критикой субъективно-идеалистической идеологии народничества.

* См.: Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 1. Гл. 5.